

Вера Степановна Федотова, (среди соседей просто баба Вера) привычно сидела на скамеечке во дворе в валеночках, укутавшись в тёплое пальто, платок. Крупные тёмные очки, спасавшие больные глаза от солнечных лучей, придавали её облику колоритный вид.

-Что, баб Варя, мёрзнешь, на улице за двадцать, а ты как на морозе,- шутили соседки.  
-Вот доживёте до моих лет, узнаете, как мерзнуть в жару. Мне ведь девяносто минуло, на десятый десяток перевалило, -беззлобно отшучивалась она.

На вопрос, как удалось ей дожить до столь почтенного возраста, что пережила, о чём вспоминает с радостью, - откликнулась охотно. Ей хотелось поговорить с незнакомым человеком, пообщаться. Живёт она на самом верхнем девятом этаже в однокомнатной квартире одна: дочь иногда навещает, приезжает из Тольятти, внучка выросла, вся в разъездах, парусным спортом занимается, без конца на соревнованиях. Единственный собеседник – соседка иногда заходит. От услуг собеса баба Вера отказалась: сама за продуктами ходит, сама сварит, за собой приберёт. В квартирке чистота, с тряпочкой все углы сто раз обойдёт: вдруг пылинка какая появилась.

К труду тяжёлому привыкла. Детство и отрочество прошло в селе Переволоки. Отец умер рано. Они с сестрёнкой были на хозяйстве, мать с утра до ночи на работе. Огород большой, вода внизу в Волге. Сколько вёдер в гору перетаскали, чтоб полить грядки! Руки морщинистые помнят ту тропинку, что в гору шла и двух девчушек с тяжеленными вёдрами. Брёвна на обогрев печи найти надо было в любое время года, расколоть, перетаскать, печку затопить, сварить. Всему жизнь научила уже в детстве.

В войну рядом с домом были бараки с военнопленными. Бывало сидят у ворот, а девочки завидуют: в лес за дровами им не идти, готовые привезут.

Едва Варя подросла, как научили её машину водить, в бойлерах возила воду семьям военнослужащих, помогала хоронить умерших.

Правда, голодать не пришлось, мама поваром работала, остатки пищи приносила.

В 18 лет мобилизовали на завод в Чапаевск, набивала патроны порохом и девичьими руками зажимала их на станке, чтоб порох не сыпался, а потом уносила на склад.

У молодости даже в военные годы свои права, свои желания, хотелось дружить, любить, быть любимыми. На танцы не бегали: за день на работе так натанцуешься, что не до плясок. Сидели на брёвнах с подружками, Вера с балалайкой: родственник научил, сбегались послушать парни и девчата.

Там и настигла её первая любовь, родилась дочка, правда недолг был их союз: призвали мужа на фронт, оттуда не вернулся.

Жигулёвск стал для Веры причалом на всю оставшуюся жизнь. Строилась ГЭС.

Научилась печь хлеб для гэсовцев, замешивала его в огромных коробах. Тогда всё вручную делали.

Стал захаживать на пекарню моторист Николай, стройный красавец. Заполнил сердце молодой женщины без остатка.

-Над ним подшучивали: подумаешь, кого нашёл, столько девок вокруг. А он без меня никуда, - вспоминает баба Вера. – Потом оказалось, что у него в Белоруссии другая семья, там дочка растёт. Хотел развестись, но я упёрлась, на чужом горе счастье не построишь. Уехал он, осталась одна, надо было дочку растить. Не везло мне с мужиками. Больше ни за кого не выходила.

Жили в бараке в Морквашах, дружно, как одна семья. По выходным общие застолья в коридоре, угощаемся, песни поём.. Сидели до седьмых заговений. Огородик за баракom был, два куста смородины, картошка. Волга рядом, да не ходили туда, домашних дел куча.

После хлебозавода перешла на комбинат строительных материалов в шиферный цех оператором. Народу много, мужиков много, но мне никто не приглянулся. Платили там больше, условия лучше. Начальник строгий был, боялась я его. До пенсии доработала, квартиру дали, девятый этаж нравится: такой простор, всё вокруг видно. Так и жизнь прошла.

У дочки в личном плане не сложилось. Не зря говорят: счастье и несчастье по наследству передаётся. Мужа убили, одна двух девчонок воспитала.

Баба Вера пригорюнилась, но тут же встрепенулась:

- Что зря Бога гневить?! На здоровье не жалуюсь, в больницу не хожу. Глаза только подводят, операцию предлагают. За всё переживаю, за Украину молюсь, как они там горемычные жить будут. Только бы не было войны.

Я смотрела на неё и думала: в жизни этой простой труженицы отразились судьбы тысяч женщин России, переживших море тягот и забот и не уставших, откуда –то находящих силы жить дальше, любить своих близких, помогать им чем смогут.

Попросила бабу Веру до ста лет дожить и оказаться в числе долгожителей нашего города. Она не против!